

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОТЕРЯННОЕ ЦАРСТВО15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТРАННЫЕ МОМЕНТЫ115

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ319

ЭПИЛОГ367

БЛАГОДАРНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА379

ПРОЛОГ

Эта книга — прежде всего история человека, который большую часть жизни прожил в Западной Европе второй половины XX века. В принципе одинокий, он изредка все-таки общался с себе подобными. Жил он в несчастливые и тревожные времена. Страна, где он появился на свет, медленно, но неотвратно сползала в экономическую категорию среднебедных стран; люди его поколения часто оказывались на пороге нищеты, к тому же жизнь их протекала в горьком одиночестве. Чувства любви, нежности и человеческого братства фактически исчезли; его современники в лучшем случае относились друг к другу равнодушно, порой даже жестоко.

К моменту исчезновения Мишеля Джерзински его единодушно признавали выдающимся биологом и всерьез прочили ему Нобелевскую премию, но истинная значимость этого человека стала очевидна позже.

В то время, когда жил Джерзински, люди в массе своей считали, что философия лишена какого-либо практического смысла, если не вообще предмета. Од-

нако именно мировоззрение, наиболее характерное для членов общества в определенный момент, обуславливает его экономику, политику и нравы.

Метафизические мутации, то есть радикальные и глобальные трансформации мировоззрения, характерного для подавляющего большинства людей, весьма редки в истории человечества. В качестве примера можно привести возникновение христианства.

Однажды начавшись, метафизическая мутация движется, не встречая никакого сопротивления, пока не свершится в полной мере. Особо не церемонясь, она сметает на своем пути экономические и политические системы, эстетические суждения, социальные иерархии. И нет никакой подвластной человеку силы, которая смогла бы прервать ее ход, — никакой силы, кроме новой метафизической мутации.

Нельзя с уверенностью сказать, что метафизическим мутациям подвержены лишь ослабленные общества, уже и так переживающие упадок. Когда зародилось христианство, Римская империя находилась на пике своего могущества; высокоорганизованная империя господствовала над всем известным в то время миром; ее техническое и военное превосходство не имело себе равных; при этом она была обречена. К тому моменту, когда появилась современная наука, средневековое христианство представляло собой всеобъемлющую систему понимания человека и вселенной; оно лежало в основе управления народами, способствовало развитию знаний и искусств, влияло на вопросы мира и войны, на организацию производства и распределение богатств; все это никоим образом не могло уберечь его от краха.

Мишель Джерзински не был ни первым, ни главным архитектором третьей метафизической мутации, во многих отношениях самой радикальной, которой суждено было положить начало новой эре в мировой истории; но в силу некоторых весьма неординарных обстоятельств своей жизни он является одним из самых сознательных и прозорливых ее творцов.

Мы живем на заре небывалой эпохи,
Ткань обстоятельств нежит наши тела,
Дарит нашим телам
Ореол немеркнувшей радости.
То, что было лишь сладким предчувствием в музыке
прошлых времен,
Для любого из нас повседневной реальностью стало.
То, что людям минувших времен рисовалось в мечтах
как страна идеала,
Воплотилось в действительность нашу, как сбывшийся сон.
Но это не значит, что мы презираем этих людей,
Нам известно, сколь многим обязаны мы их мечтам,
Нам известно, что мы — порожденье их счастья и боли,
из которых веками слагалась история,
Что наш будущий образ они пронесли через ненависть,
распри и страх, через ужас и горе,
Через годы блужданий во мраке, когда день за днем
писали они земную историю,
И мы знаем, что им бы не выстоять, если бы не было в них,
в глубине их сердец, великой надежды на будущее,
Им бы просто не выжить, если б не эта мечта.

И теперь, когда наступила эпоха света,
Теперь, когда мы живем в непосредственной близости к свету
И свет наполняет наши тела,
Озаряет наши тела,
Дарит нашим телам ореол немеркнувшей радости,
Теперь, когда мы живем рядом с этим потоком,
В чередѣ неизменно сияющих дней,

Теперь, когда свет вокруг наших тел стал реален и осязаем,
Теперь, когда мы достигли цели пути
И навеки покинули царство разлада,
Царство разлада с собой и с миром,
Чтоб окунуться в бессменную и изобильную радость
Новых законов,
Сегодня
Мы можем впервые
Рассказать про последние дни старого мира¹.

¹ Здесь и далее перевод стихов, за исключением отмеченных особо, Ирины Кузнецовой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
**ПОТЕРЯННОЕ
ЦАРСТВО**

Первое июля 1998 года пришлось на среду. Поэтому, хоть так и не принято, Джерзински устроил отвальную во вторник. В холодильник марки “Брандт”, слегка осевший под тяжестью контейнеров с эмбрионами, кое-как влезли бутылки с шампанским; вообще-то он служил для хранения химических препаратов.

Четыре бутылки на пятнадцать человек — это, конечно, впритык. Надо сказать, тут все немножко впритык: у них довольно мало общего; одно неосторожное слово, один косой взгляд — и компания того гляди распадется, и все кинутся к своим машинам. Они собрались в подвальной комнате с кондиционером. На стене, облицованной белой плиткой, красовался плакат с изображением озер Германии. Кстати, никто не предложил сфотографироваться. Прибывший в начале года молодой ученый, глуповатый на вид бородач, смылся через несколько минут, сославшись на проблемы с парковкой. Всеобщая неловкость становилась все ощутимее, да и потом, отпуск на носу. Одни поедут домой к семье, другие займутся экотуризмом. Слова лениво щелкали в воздухе. Приглашенные быстро разошлись.

Все закончилось к половине восьмого. Джерзински шел по паркингу вместе с одной своей коллегой с длинными черными волосами, ослепительно белой кожей и пышной грудью; она чуть постарше, чем он, и, скорее всего, возглавит после его ухода их отдел. Она не замужем; ее научные публикации посвящены в основном гену DAF3 дрозофилы.

Остановившись перед своей “тойотой”, он улыбнулся и протянул руку ученой даме (он уже несколько секунд продумывал этот жест, решив сопровождать его улыбкой, и мысленно репетировал). Их ладони сомкнулись, вяло встряхнули друг друга. Ему показалось, что рукопожатия не хватало тепла, но что уж теперь; учитывая обстоятельства, они могли бы и расцеловаться, как это принято у министров и некоторых эстрадных исполнителей.

Распроставшись с ней, он еще целых пять минут просидел в машине — довольно долго, как ему показалось. А она чего не уезжает? Онанирует под Брамса, что ли? Или, наоборот, размышляет о своей карьере, о новой должности, и если да, интересно, рада ли она повышению? Наконец “гольф” генетически выехал со стоянки; он снова остался один. День выдался великолепный, было еще жарко. В первые летние недели все, казалось, застыло в сияющем ступоре; впрочем, дни уже идут на убыль, Джерзински вполне отдавал себе в этом отчет.

Я работал в зоне комфорта, подумал он, в свою очередь трогаясь с места. На вопрос “Чувствуете ли вы, что Палезо — это зона комфорта?” 63 % местных жителей отвечали утвердительно. Оно и понятно: дома тут малоэтажные, между ними разбиты лужайки. Снабжение хорошее, учитывая несколько гипермар-

кетов; в отношении Палезо понятие высокого *качества жизни* вряд ли покажется преувеличением.

На южной трассе в направлении Парижа машин не было. Он почувствовал себя персонажем новозеландского научно-фантастического фильма, виденного им в студенческие годы, — последним человеком на Земле после гибели всего живого. Прямо какая-то выжженная пустыня апокалипсиса.

Джерзински уже лет десять жил на улице Фремикур; он привык к своему тихому кварталу. В 1993 году он понял, что ему нужна компания; нечто, что встречало бы его по вечерам, когда он возвращается домой. Его выбор пал на белого кенаря, существо крайне боязливое. Кенарь пел, особенно по утрам; тем не менее радостным он не выглядел; вот только может ли кенарь испытывать радость? Радость — это сильное и глубокое переживание, волнующая полнота чувств, захлестывающая все сознание целиком; радость сродни опьянению, восторгу, экстазу. Однажды он выпустил птицу из клетки. Кенарь от ужаса наскрал на диван, а потом рванул назад и стал биться о железные прутья в поисках дверцы. Через месяц Мишель повторил попытку. На этот раз злополучное создание выпало из окна; с горем пополам спланировав, оно умудрилось приземлиться на балконе дома напротив, пятью этажами ниже. Мишелю пришлось ждать возвращения хозяйки квартиры, уповав на то, что у нее нет кошки. Оказалось, что девушка работает редактором в журнале “20 лет”; она жила одна и возвращалась поздно. Кошки у нее не имелось.

Стемнело; Мишель забрал птичку, она дрожала от холода и страха, вжавшись в бетонную стенку. Потом он несколько раз сталкивался с той девушкой из журнала, как правило, когда выносил мусор. Она

кивала ему, вероятно, в знак того, что узнала его; он кивал в ответ. В общем, инцидент с канарейкой позволил ему установить добрососедские отношения; ну и чудно.

Из его окон были видны домов десять, то есть, наверное, около трех сотен квартир. Обычно, когда он вечером приходил домой, кенарь принимался свистеть и щебетать, и это длилось минут пять — десять; затем он подсыпал ему семян, менял наполнитель и воду. Но в тот вечер его встретила тишина. Он подошел к клетке: кенарь сдох. Белое тельце, уже остывшее, лежало боком на камешках.

Он съел на ужин упаковку зубатки с кервелем от “Монопри Гурме”, запивая посредственным вальдепеньясом. Недолго думая, он сунул трупик кенаря в полиэтиленовый пакет, отправив туда же в качестве балласта бутылку из-под пива, и выбросил его в мусоропровод. Ну а что еще прикажете делать? Молиться за упокой души?

Он понятия не имел, куда ведет этот мусоропровод с узким загрузочным клапаном (вполне достаточным, правда, чтобы вместить тело птички). Тем не менее ему приснились гигантские мусорные баки, заполненные кофейными фильтрами, равиолями в соусе и отрезанными гениталиями. Огромные черви с грозными клювами размером с самого кенаря, не меньше, терзали его труп. Ему оторвали лапки, искромсали внутренности, проткнули глазные яблоки. Посреди ночи Мишель, весь дрожа, сел в кровати; не было еще и половины второго. Он принял три таблетки ксанакса. Так закончился его первый вечер свободы.

Четырнадцатого декабря 1900 года в докладе *Zur Theorie des Gesetzes der Energieverteilung in Normalspektrum*, сделанном на заседании Немецкого физического общества, Макс Планк впервые ввел понятие кванта энергии, которому предстояло сыграть решающую роль в дальнейшем развитии физики. Между 1900 и 1920 годами, в основном под влиянием идей Эйнштейна и Бора, новую концепцию при помощи более или менее оригинальных моделей пытались вписать в рамки уже существующих теорий, и лишь в начале двадцатых стало ясно, что эти попытки тщетны.

Нильс Бор считается истинным основоположником квантовой механики, и не только благодаря его собственным открытиям, но прежде всего из-за необыкновенной атмосферы творчества, интеллектуального подъема, дружбы и свободы духа, которую он сумел создать вокруг себя. Институт теоретической физики в Копенгагене, основанный Бором в 1919 году, собрал в своих стенах лучших молодых ученых Европы. Там начинали Гейзенберг, Паули и Борн. Будучи ненамного старше них, Бор мог часами подробно